

Аллахвердян А.Г.*

**УТЕЧКА УМОВ ИЗ РОССИИ В 1990-х годах
И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ:
СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Allakhverdyan A.G.

**BRAIN DRAIN FROM RUSSIA IN THE 1990 s AND ITS
FEATURES: SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL ANALYSIS**

Аннотация. В 1990-х годах процесс адаптации российской науки к условиям рыночной экономики сопровождался существенными трансформациями в социальном положении ученых. Несмотря на принятый в 1996 г. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», в реальности профессиональные права российских ученых, в частности право на осуществление научной деятельности в благоприятных условиях, право ученых на повышение уровня их жизни и творческую самореализацию и др., оказались социально незащищенными. В создавшихся условиях российская наука в полной мере ощутила на себе чрезвычайную актуальность и остроту феномена утечки умов из России за границу.

Существовавший в 1990-х годах статистический учет безвозвратной эмиграции имел свои «технические изъяны», однако они были не настолько существенными, чтобы не позволить дать

---

* © *Аллахвердян Александр Георгиевич* – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова.

Allakhverdyan Alexander G. – candidate of psychological sciences, leading researcher of the Center of Science Studies, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

приблизительную оценку масштабов утечки умов и тем самым противопоставить их «цифрам-страшилкам», исчисляемым сотнями тысяч эмигрировавших ученых. Одна из таких страшилок: «...по статистике, ежегодно из России уезжает 70–90 тыс. ученых в возрасте 31–45 лет, т.е. наиболее перспективная интеллектуальная прослойка». Примечательно, что автор этих строк ссылается на некую статистику, да еще «с возрастной градацией», которой попросту не существовало. Если следовать логике этой «статистики», то за 1990-е годы все российские ученые указанной возрастной группы должны были бы уже давно находиться за пределами России, что, к счастью, не произошло.

Ключевые слова: российская наука; утечка умов; права ученых; безвозвратная и временная миграция ученых; масштабы и статистика эмиграции.

Abstract. In the 1990 s, the process of adapting Russian science to the conditions of a market economy was accompanied by significant transformations in the social status of scientists. Despite the Federal Law «On Science and State Scientific and Technical Policy» adopted in 1996, in reality, the professional rights of Russian scientists, in particular, the right to carry out scientific activities in favorable conditions, the right of scientists to improve their standard of living and creative self-realization, and others, turned out to be socially unprotected. Under these conditions, Russian science has fully felt the extreme relevance and acuteness of the phenomenon of brain drain from Russia abroad. The statistics of irrevocable emigration that existed in the 1990 s had its «technical flaws», but they were not so significant as to prevent a rough estimate of the scale of the brain drain and thereby oppose them to the «horror stories» of hundreds of thousands of emigrated scientists. One of these horror stories: «...according to statistics, 70–90 thousand scientists aged 31–45 leave Russia every year, that is, the most promising intellectual layer». It is noteworthy that the author of these lines refers to some statistics, and even «with age gradation», which simply did not exist. If we follow the logic of this «statistics», then for the 1990 s all Russian scientists of this age group should have been outside Russia for a long time, which, fortunately, did not happen.

Keywords: Russian science; brain drain; rights of scientists; permanent and temporary migration of scientists; scale and statistics of emigration.

Сфера научно-технических исследований в мире за последние десятилетия превратилась из высокопрестижной и хорошо оплачиваемой в область деятельности, которую властные структуры России почему-то «представляли обществу, образно говоря, в виде с трудом терпимой в доме нахлебницы» [Гордеева, Филь, 2005, с. 151]. Средства для ее осуществления ими же выделялись по остаточному принципу [Аллахвердян, 2002, с. 675–678]. Вопреки Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г. [Конституция Российской Федерации, 1993], гарантирующей свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ст. 44), и принятому в 1996 г. Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» [Федеральный закон «О науке ..., 1996], в реальности права ученых на творческий труд оказались недостаточно защищенными в социальном плане. Это противоречит не только Конституции РФ, но международным документам о правах и обязанностях научных работников, в частности «Рекомендации о статусе научно-исследовательских работников», принятой ООН еще 20 ноября 1974 г. [Рекомендация о статусе ..., 1974].

Хотя «Рекомендация...» и другие правовые документы со времени их принятия вносят значительный вклад в защиту прав научных работников, необходимо отметить, что их цели не во всех странах реализуются в полном объеме. При этом особая ответственность в области защиты прав ученых и создания благоприятных условий для проведения научных исследований ложится на правительства государств.

Трудности реализации профессиональных прав ученых в постсоветский период

Следует отметить, что в СССР размер ассигнований на науку фиксировался в зависимости от идейно-политических установок, предопределяющих разработку очередного пятилетнего плана. Но если в рамках плановой экономики, несмотря на отсут-

стве законодательных нормативов, призванных социально защитить научное сообщество, материальные интересы ученых учитывались в достаточной мере, то в условиях перехода к рыночной экономике картина изменилась в негативном направлении. Наука оказалась на периферии государственных приоритетов. Ей негласно было предложено, как и другим бюджетным отраслям, «кормить себя». В условиях отсутствия развитой рыночной инфраструктуры это не дало, да и не могло дать позитивных результатов.

Как показали результаты демографо-статистических и социально-психологических исследований, резкое падение уровня материального обеспечения научных работников наряду с другими неблагоприятными факторами научного труда стимулировали в 1990-х годах процесс так называемой «утечки умов», выражающийся в резкой активизации миграции научных работников за границу на постоянное место жительства [Юревич, Цапенко, 2000].

В многочисленных работах, посвященных проблеме утечки умов, отмечается, что начавшиеся во второй половине 1980-х годов социально-политические преобразования, включая либерализацию эмиграционной политики, сопровождалась резкой активизацией эмиграции в целом и научной эмиграции в частности. Если для России данная проблема актуализировалась лишь в последние три десятилетия, то в других странах, особенно развивающихся, эта проблема начала ощущаться как весьма острая еще с 1950-х годов, что стало в последующие десятилетия предметом особой озабоченности международных организаций, в первую очередь ООН. Так, в докладе ООН 1968 г., подготовленном Комитетом по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), отмечалось, что проблема утечки умов «перестала быть “личным” делом и все более становится делом, представляющим национальный и международный интерес», а тогдашний генеральный директор Института подготовки кадров и научных исследований при ООН Габриель д'Арбусье подчеркивал, что «brain drain» – это нечто «чрезвычайно важное», столь же важное, как «проблема международной торговли или проблема падения цен на сырьевые ресурсы...» [Le problème..., p. 11].

Понятие «утечка умов»

В толковом словаре русского языка «утечка умов» трактуется как «эмиграция людей умственного труда, высококвалифицированных специалистов» [Ожегов, Шведова, 1992, с. 873]. Такое широкое толкование «утечки умов» включает представителей самых разных сфер интеллектуальной активности – ученых, инженеров, врачей, учителей, программистов, художников, музыкантов, артистов, писателей, архитекторов, любых специалистов с высшим образованием [Некипелова, Гохберг, Миндели, 1994, с. 26]. Применительно к эмиграционной ситуации в СССР этот термин стал использоваться в конце 1980-х годов – в перестроечный период. Однако термин «brain drain» (калькой с которого и является «утечка умов») впервые был использован в докладе Британского королевского общества в 1962 г. по отношению к эмиграции ученых, инженеров и техников из Великобритании в США. С тех пор термин «утечка умов» применяется для обозначения массовой иммиграции высококвалифицированных специалистов в США из многих стран мира, как промышленно развитых, так и развивающихся [Иконников, 1993, с. 7]. Однако было бы неверно сводить применение этого термина только к этим ситуациям. Другие промышленно развитые страны, прежде всего западноевропейские, также стали впоследствии «реципиентами» высококлассных специалистов из развивающихся стран. Отличие состоит лишь в том, что «утечка умов» в США происходит как из развивающихся, так и из промышленно развитых стран. В послевоенные десятилетия, вплоть до конца 1980-х годов, изменялись лишь пропорции, соотношения иммиграции ученых и инженеров из этих двух групп стран (развитых и развивающихся) в США.

Проблема утечки умов из России

Изучение проблемы утечки умов в прошлом и настоящем России – это одно из относительно новых направлений исследований отечественных историков науки и науковедов, ставшее предметом специального анализа лишь со второй половины 1980-х годов. Проведены десятки всероссийских и международных научных конференций, специально посвященных истории и современным

процессам утечки умов, изданы сотни научных монографий, сборников и журнальных статей по различным аспектам этой проблемы.

Постсоветская Россия в полной мере ощутила на себе чрезвычайную актуальность эмиграции ученых за границу [Ащеулова, 2010; Аллахвердян, 1992]. В условиях затянувшегося перехода к рыночной экономике, пожалуй, ни одна из острых социальных проблем не имела такого общественного резонанса и не освещалась средствами массовой информации так часто и эмоционально, как утечка умов. Выражаемая широкой общественностью обеспокоенность по поводу утечки умов вполне понятна, ибо без опоры на науку и высокие технологии любые благие намерения по социально-экономическому переустройству России и ее включению в когорту развитых стран мира заведомо обречены на провал. Хотя позднее, к 2000-м годам, острота проблемы существенно снизилась, и из ажиотажной и модной она трансформировалась в «нормальную» науковедческую проблему. Актуальность ее дальнейшего изучения не вызывает сомнений. По мнению академика В.В. Козлова, «безусловно, нам необходимо понимать, кто и почему уезжает, как это влияет на нашу науку. Я, кстати, не исключаю, что явление, которое было принято считать однозначно негативным, на поверку окажется не лишенным “позитива”. Одним словом, нужен глубокий и всесторонний анализ. Знаю, что этим занимаются несколько сильных исследовательских групп. Мы с нетерпением ждем результатов и намерены уделить им максимальное внимание» [О барьерах и карьерах, 2002, с. 5].

Важно различать два основных вида научной миграции за рубеж: 1) «безвозвратную» миграцию (эмиграцию), т.е. выезд ученых на постоянное место жительства; 2) «временную» миграцию, т.е. выезд в целях продолжения научно-профессиональной деятельности. Если для «безвозвратной» миграции характерна схема «сначала за граница – потом работа», то для временной научной миграции, наоборот, «сначала работа – потом за граница». Поэтому и теоретико-методические подходы к их изучению существенно различаются. В основе этих двух вариантов выезда лежат принципиально разные миграционные установки ученых.

В основе одной установки – «главное выехать, а там как сложится». Здесь выезд ученого не обусловлен и не гарантирован предварительной договоренностью об устройстве на научную ра-

боту с зарубежным работодателем. Для мигрантов этой категории главным было сначала обустроиться на новом месте, решить первичные социально-бытовые проблемы и только потом (или параллельно) начать поиск работы в своей научно-профессиональной сфере, а если не получится, то в какой-либо иной сфере, даже вне науки. В последнем случае ученый оказывался «выпавшим» уже не только из российской, но и из мировой науки. Число эмигрировавших российских ученых и «выпавших» из сферы науки за пределами России, к сожалению, – вопрос малоизученный. Так нередко поступали преимущественно те российские ученые, у кого была готовность выехать по так называемому «этническому» каналу эмиграции на историческую родину. По такому каналу научная эмиграция осуществлялась в Израиль, Германию, а также в другие страны, где традиционно существуют крупные этнические общины (еврейская, армянская и др.), например в США.

В основе второй ориентации главное – договориться насчет научной деятельности, например по контракту, переехать и жить в новой стране одному или со своей семьей. Так поступило подавляющее большинство выехавших за рубеж российских ученых в 1990-х годах. Завершив контракт, ученый обычно пытался продлить контракт, если же не получалось, был вынужден возвратиться домой. Ученый мог неоднократно выезжать за рубеж на время выполнения научной работы и возвращаться на родину («маятниковая», «контрактная» или «челночная» миграция). Страны, в которые чаще всего выезжают российские ученые на временную работу, – США, Германия, Израиль. Нередко маятниковый тип миграции мог перерасти в иной тип – «безвозвратную» научную миграцию (эмиграцию).

Масштабы «безвозвратной» научной миграции за рубеж

Вал исследований и публикаций 1990-х годов на тему о миграции российских ученых за рубеж к 2000-м годам существенно снизился. Это объясняется не только тем, что масштабы утечки умов с годами поубавились, но и тем, что потеряна сама острота восприятия общественностью этого социального феномена, совершенно нового для нашей послевоенной истории. Хотя бум утечки умов пошел на убыль, она все же продолжается, но в иных

формах и в более «спокойных берегах». До сих пор количественные оценки масштабов постсоветской утечки умов остаются дискуссионными. Однако сейчас можно пытаться подвести если не окончательные, то хотя бы предварительные итоги масштабов утечки умов за последние годы, опираясь на отечественные статистические источники (Госкомстата, МВД, РАН и др.). Конечно, и ранее эти статистические данные, хотя и в не полной форме, представлялись обществу, однако в СМИ доминировали журналистские и так называемые экспертные оценки масштабов утечки умов, без ссылки на первоисточники этих данных. Одним словом, в этой острой и социально значимой проблеме преобладал алармистский подход.

Конечно, ранее существовавший статистический учет имел свои «технические» изъяны (о них будет сказано далее), однако они были не настолько существенными, чтобы не позволить дать приблизительную оценку масштабов утечки умов в постсоветские годы и тем самым противопоставить их «цифрам-страшилкам», исчисляемым многими сотнями тысяч эмигрировавших ученых.

Почему-то считается, что в отличие от качественного количественный аспект проблемы является наиболее разработанным. Однако этот вопрос является наиболее спорным. Учитывая его сложность, следует ставить своей задачей не установление точно выверенных масштабов научной эмиграции, а выявление аргументированных «ориентировочных данных», близко характеризующих этот феномен. А о том, что такая задача является значимой, можно судить по весьма противоречивым оценкам масштабов ежегодной эмиграции в постсоветский период. Приведем лишь две значительно расходящиеся оценки: *«По статистике, ежегодно из России уезжает 70–90 тыс. ученых в возрасте 31–45 лет, т.е. наиболее перспективная интеллектуальная прослойка»* [Уэмберс, 1996, с. 8]. Здесь примечательно то, что автор ссылается на некую статистику, да еще «с возрастной градацией», которой попросту не существует. Если следовать логике этой «статистики», то за 1990-е годы все российские ученые данной возрастной группы должны были бы уже давно находиться за пределами России, что, к счастью, не произошло.

Для примера представим вторую оценку. Эмиграция из сферы науки и научного обслуживания (ННО) *«составляет порядка 1–2 тыс. человек в год, причем включая не только собственно уче-*

**Утечка умов из России в 1990-х годах
и ее особенности: социолого-статистический анализ**

ных, но и другие категории занятых». Количественный расчет, как отмечали специалисты Центра исследований и статистики (ЦИСН), произведен «на основе данных МВД» [Некипелова, 2000, с. 19]. Приведенные количественные данные отличаются друг от друга даже не на один, а на два и более порядка. Такой огромный разброс оценок научной эмиграции можно объяснить, во-первых, несовершенством экспертных оценок численности эмиграции, которые часто в атмосфере социального отчаяния подменялись алармистскими оценками, а во-вторых, отсутствием стабильного и надежного государственного статистического учета эмиграции ученых. С начала 1990-х годов президент страны, правительство, парламент неоднократно высказывали обеспокоенность проблемой эмиграции российских ученых, ее масштабами и вероятными негативными последствиями. В прессе появлялись «многочисленные публикации, касающиеся масштабов выезда из страны научных кадров, как правило, на экспертных оценках. Они, однако, являются весьма разнородными и противоречивыми и зачастую не базируются ни на чем, кроме фантазии авторов» [Некипелова, Гохберг, Миндели, 1994, с. 28].

Данные паспортно-визовой службы МВД России

Особенностью методического подхода, принятого в МВД, является то, что наряду с эмиграцией работников из сферы науки здесь также ведется учет эмиграции из сферы образования, т.е. фиксируется суммарная эмиграция из объединенной сферы, обозначаемой «Наука и образование» (табл. 1).

Таблица 1

Эмиграция работников из сферы «Наука и образование» в 1992–2001 гг. (человек)

1992–1993 гг.	1994–1995 гг.	1996–1997 гг.	1998–1999 гг.	2000–2001 гг.	1992–2001 гг.
10 448	11 162	8859	8596	6479	45 544

В общей сложности, согласно данным МВД, из сферы науки и образования на постоянное место жительства за рубеж (ПМЖ) уехало 45 544 работника. Это ни в коей мере не означает, что указанная цифра отражает лишь число эмигрировавших ученых НИИ и профессорско-преподавательского состава вузов.

В реальности состав работников сферы «Наука и образование» значительно шире, он включает весь обслуживающий персонал, работающий в НИИ и вузах. Более того, сфера «Наука и образование» охватывает не только НИИ, вузы, но и все воспитательно-образовательные учреждения, в том числе дошкольные, школьные, средние специальные и др. Это означает, что в число эмигрировавших работников сферы «Наука и образование» входят воспитатели яслей, детских садов, учителя средних школ, преподаватели колледжей и др. Вычленив число уехавших научных работников из этой общей массы эмигрировавших не представляется возможным. Таким образом, вопрос о численности эмигрировавших научных работников, рассмотренный с позиций методического подхода МВД, остался нерешенным. В поисках его конструктивного решения свой методический подход к расчету численности эмиграции именно работников науки предложил Центр исследований и статистики науки (ЦИСН).

Несмотря на отсутствие прямых статистических показателей и, соответственно, точных данных о масштабах научной эмиграции в 1990-х годах на основе специально разработанных методик, можно говорить о приблизительной численности эмигрантов из России, работавших в отрасли «Наука и научное обслуживание». Хотя точность данных, полученных на основе этой методики, не может считаться безупречной, тем не менее с ее помощью можно судить о «порядке цифр» научной эмиграции. Это дает возможность решительно отграничиться от множества необоснованных, а иногда и явно спекулятивных оценок, обильно фигурирующих в СМИ, а порою и в специальной научной литературе. Ниже представлены результаты расчета численности научной эмиграции по методике ЦИСН за период с 1989 по 2002 г. (табл. 2).

Таблица 2

**Численность эмигрантов из России, работавших в отрасли
«Наука и научное обслуживание» в 1989–2002 гг.
(в тыс. человек)**

1989–1992 гг.	1993–1994 г.	1995–1998 гг.	1999–2002 гг.	Всего за 14 лет
6,95	4,4	6,4	4,0	21,75

Источник данных: [Архив ИИЕТ РАН, 2003]

Согласно статистическим данным, за 14 лет (1989–2002) на ПМЖ эмигрировало около 22 тыс. работников из отрасли «Наука и научное обслуживание», включающей не только собственно ученых (исследователей), но и научно-вспомогательный персонал научных организаций (лаборанты, работники библиотек и др.). Таким образом, за 14-летний период собственно ученых (исследователей) уехало еще меньше, чем из отрасли в целом. Сколько же за этот период эмигрировало исследователей?

Ответ на этот вопрос можно получить путем несложных расчетов, сопоставляя вышеуказанные эмиграционные данные Госкомстата и ЦИСН за один и тот же период (1993–1996). В результате нашего расчета получается, что на одного уехавшего на ПМЖ ученого в среднем приходилось шесть научно-вспомогательных работников. В пересчете за 14 лет это составило 3,5–4 тыс. эмигрировавших научных работников. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет, во-первых, исключительно о научных работниках, а не о всех категориях работников, занятых в сфере «Наука и научное обслуживание»; во-вторых, о тех ученых, кто уехал за рубеж не на временное пребывание (по «контракту», «обмену», «приглашению» и т.п.), а изначально на постоянное место жительства; в-третьих, здесь не учитываются преподаватели вузов, эмигрировавшие на ПМЖ.

Значит ли это, что цифра в 3,5–4 тыс. человек правильно отражает численность российских ученых, выехавших за рубеж на ПМЖ даже с учетом трех вышеназванных ограничений? Нет, поскольку в этой цифре не учитывается динамика существенных изменений в статистическом учете эмигрирующих из России граждан, произошедших за период с 1999 по 2002 г.

Масштабы временной научной миграции за рубеж

Отток ученых за рубеж на постоянное жительство – это всего лишь малая толика утечки умов. Несравненно большая часть связана с временной научной миграцией (ВНМ), когда ученые выезжают за рубеж и временно работают по договорам в зарубежных организациях в сфере науки и образования – в университетах, государственных лабораториях, частных корпорациях и т.д. В отличие от ранее проводившегося ежегодного статистического учета

выезжающих за рубеж на ПМЖ, учет выезжающих на временную научную работу за весь постсоветский период проводился лишь дважды: в 1996 и 2002 гг. Оба этих обследования проводились по форме статистического учета № 1-МН, разработанной ЦИСН и утвержденной Госкомстатом России. Анализ их результатов стало возможным проводить в сравнительном ракурсе ввиду единой методической основы. Результаты обследований представлены в табл. 3.

Таблица 3

Численность российских исследователей и страны, в которых они работали в 1995 и 2002 гг.

Страны	1995 г.		Страны	2002 г.	
	Всего	%		Всего	%
Все	4084	100	Все	2922	100
США	1084	26,5	США	840	28,7
Германия	700	17,1	Германия	556	19,0
Франция	378	9,3	Франция	190	6,5
Великобритания	214	5,2	Великобритания	135	4,6
Италия	203	5,0	Япония	125	4,3
Япония	133	3,3	Швейцария	95	3,3
Канада	86	2,1	Швеция	94	3,2
Мексика	49	1,2	Индия	69	2,4
Корея	42	1,0	Италия	60	2,1
Израиль	37	0,9	Китай	59	2,0
Австралия	32	0,8	Нидерланды	58	2,0
Другие страны	1126	27,6	Корея	55	1,9
			Канада	48	1,6
			Финляндия	45	1,5
			Бельгия	36	1,2
			Австрия	26	0,9
			Израиль	26	0,9
			Другие страны	405	13,9

Источник: [Воспроизводство научной элиты, 2005, с. 42]

Согласно этим данным, в 1995 и 2002 гг. за рубежом, соответственно, работали 4084 и 2922 исследователя из России, т.е. в абсолютном выражении мы имеем уменьшение на 1162 человека, или на 28%. Если учесть, что в 1995 г. в России насчитывалось 518 690 исследователей, то число работавших за рубежом в том же

году составит в процентном отношении весьма малую величину – всего 0,79%. Другими словами, в среднем в 1995 г. только один из 127 российских исследователей работал за рубежом. В 2002 г. общая численность российских исследователей уменьшилась до 414 676 человек, но сократилось и число работающих за рубежом, причем не только в абсолютных цифрах, но и в процентном выражении – с 0,84% в 1995 г. до 0,70% в 2002 г., т.е. по происшествии семи лет за рубежом работал только один из 150 российских исследователей.

Соотношение числа ученых, выехавших из России на постоянное место жительства и временную научную работу в динамике (1992–2002)

В начале 1990-х годов, когда уезжали по разным причинам и миграция ученых за рубеж получила большой размах, не раз возникал вопрос, кого больше в числе покидающих страну: тех, кто уезжает на постоянное место жительства (ПМЖ), или тех, кто уезжает на временную научную работу (ВНР). В работе Центра исследований и статистики науки совместно с Управлением кадров РАН были представлены результаты единовременного обследования динамики занятости в системе РАН за двухгодичный период (1991–1992) [Некипелова, Гохберг, Миндели, 1994, с. 32]. Результаты обследования дали представление о масштабах «безвозвратной утечки умов» из академической науки. За рассматриваемый период на ПМЖ за рубеж выехало 508 научных работников, что составило примерно 0,8% от их общей численности в Академии наук. Наряду с изучением выехавших на постоянное жительство анализировались также масштабы временной работы академических ученых за рубежом. На момент опроса в длительных командировках (свыше полугода) и на работе по контракту за рубежом находился 1701 сотрудник (2,8% от общей численности работников РАН).

Таким образом, число академических ученых, находившихся на временной научной работе за рубежом, оказалось более чем в 3 раза больше тех, кто уехал на постоянное жительство. Отметим, что это соотношение имело место в системе РАН в 1992 г. Однако в дальнейшем в работах ряда авторов применительно к последую-

щим годам и другим секторам науки (вузовскому, отраслевому и др.) этот показатель стал ошибочно рассматриваться как не меняющаяся во времени стабильная величина. Иначе говоря, раз полученный в 1992 г. результат в последующих публикациях стал трактоваться как неизменная величина на протяжении всех 1990-х годов и в последующие годы. Между тем темпы изменения численности этих двух форм мигрантов с годами существенно менялись. Согласно данным Госкомстата, в 1996 г. 234 научных работника оформили свой отъезд на постоянное жительство за рубеж из всех трех секторов (вузовского, отраслевого, академического) науки России. В том же году, согласно исследованию ЦИСН, за рубежом на временной научной работе, как уже отмечалось, находилось 4084 исследователя, т.е. в 17 раз больше, чем уехавших «насовсем».

Таким образом, за четыре года (1992–1996) число уехавших «навсегда» ученых уменьшилось более чем в 2 раза, а число ученых, временно работающих за рубежом, напротив, увеличилось более чем в 2 раза. Иначе говоря, соотношение ученых, уехавших «навсегда» и «временно», существенно изменилось в пользу последних и составило новую величину 1:16, т.е. на одного постоянного иммигранта приходилось 16 «временных». В последующие годы это соотношение могло еще более возрасти, но при этом необходимо учитывать, что начиная со второй половины 1990-х годов уезжающие на ПМЖ россияне, включая ученых, могли не сняться с регистрационного учета, что, соответственно, влияло на соотношение выехавших на ПМЖ и ВНР.

В заключение следует отметить, что 2002 г. был последним, когда Паспортно-визовым управлением МВД РФ велся статистический учет россиян, уезжающих в страны дальнего зарубежья на ПМЖ. Ему на смену пришел другой вид учета пересекающих российскую границу – учет прибывающих в собственную страну граждан, как это давно практикуется в других странах мира. Таковы особенности феномена утечки умов и его исследований в России 1990-х годов.

Список литературы

Аллахвердян А.Г. Внешняя и внутренняя миграция кадров академической науки // Утечка умов в условиях современной России : внутренние и международные аспекты. Доклад 10. Москва, Ватугинки, 17–18 февраля 1992 г. – Москва : ЮНЕСКО : Европейское Региональное бюро по науке и технике (РОСТЕ), 1992. – С. 99–113.

Аллахвердян А.Г. Национальные интересы и принцип «остаточного финансирования» науки – несовместимы // Вестник Российской академии наук. – 2002. – Т. 2, № 8. – С. 675–678.

Архив ИИЕТ РАН. Письмо из Паспортно-визового управления МВД РФ № 16/3676 от 19. 05. 2003.

Ащеулова Н.А. Мобильность ученых как механизм включения России в мировое научное сообщество // Инновации. – 2010. – № 3. – С. 7–11.

Воспроизводство научной элиты в России : роль зарубежных научных фондов (на примере фонда им. А. Гумбольдта) / под ред. Чепуренко А.Ю., Гохберга Л.М. – Москва : Франтэра, 2005. – 232 с.

Гордеева Н.А., Филь М.М. Право и реформирование науки. Проблемы и решения. – Москва : Новая правовая культура, 2005. – 272 с.

Иконников О.А. Эмиграция научных кадров из России : сегодня и завтра. – Москва : Компас, 1993. – 104 с.

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – Москва : Издательство «Юридическая литература», 2009. – 64 с.

Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Миндели Л.Э. Эмиграция ученых : проблемы, реальные оценки. – Москва : ЦИСН, 1994. – 47 с.

Некипелова Е.Ф. Кадры науки // Наука и технологии в России. Прогноз до 2010 г. / под ред. Л.Э. Миндели, Л.М. Гохберга. – Москва : ЦИСН, 2000. – С. 15–28.

О барьерах и карьерах. Интервью с вице-президентом РАН, академиком В.В. Козловым // Поиск. – 2002. – № 45/46. – С. 5.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва : Азъ Ltd, 1992. – 928 с.

Рекомендация о статусе научно-исследовательских работников [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 20 ноября 1974 г. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33160.html (дата обращения: 24.11.2015).

Уэмберс Р. Мировое сообщество выиграет, если поддержит российскую науку // Финансовые известия. – 1996. – № 113. – С. 8

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127 ФЗ (Последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 25.07.2023).

Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 200 с.

Le problème de l'émigration des scientifiques et des techniciens, l'exode des compétences ou brain drain : evaluation générale du phénomène. Rapport préliminaire / United Nations. Advisory Committee on the Application of Science and Technology to Development. – Paris, 1968. – 29 février. – 58 p.

References

About barriers and careers. Interview with the Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Academician V.V. Kozlov. (2002). Search (Poisk). No. 45, 46, p. 5. (In Russ.)

Allahverdyan A.G. (1992). External and internal migration of academic staff // *Brain drain in modern Russia : internal and international aspects*. Report 10. Moscow, Votutinki, February 17–18, 1992. – Moscow : UNESCO : Regional Office for Europe for Science and Technology (ROSTE). P. 99–113. (In Russ.)

Allahverdyan A.G. (2002). National interests and the principle of «residual financing» of science are incompatible. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 2, no. 8, pp. 675–678. (In Russ.)

Archive of IIET RAS. Letter from the Passport and Visa Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 16/3676 dated 05/19/2003 (In Russ.)

Ashcheulova N.A. (2010). Mobility of scientists as a mechanism for Russia's inclusion in the world scientific community. *Innovations*. No. 3, pp. 7–11. (In Russ.)

Constitution of the Russian Federation. (2009). Adopted by popular vote on December 12, 1993, Moscow : Legal Literature Publishing House. 64 p. (In Russ.)

Federal Law «On Science and State Scientific and Technical Policy» dated August 23, 1996 No. 127 FZ (Last edition) [Electronic resource]. ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (date of access: 07/25/2023) (In Russ.)

Gordeeva N.A., Fil M.M. (2005). Law and the reform of science. Problems and solutions. Moscow: New legal culture. 272 p. (In Russ.)

Ikonnikov O.A. (1993). Emigration of scientific personnel from Russia : today and tomorrow. Moscow : Compass. 104 p.

Le problème de l'émigration des scientifiques et des techniciens, l'exode des compétences ou brain drain: evaluation generale du phénomène. Rapport préliminaire / United Nations. Advisory Committee on the Application of Science and Technology to Development. Paris, 29 Février 1968. 58 p.

Nekipelova E.F. (2000). Personnel of science. *Science and technology in Russia. Forecast up to 2010* / Ed. L.E. Mindeli, L.M. Gokhberg. Moscow : Center for Science Research and Statistics (in Russ.). – P. 15–28.

Nekipelova E.F., Gokhberg L.M., Mindeli L.E. (1994). Emigration of scientists : problems, real assessments. Moscow : Center for Science Research and Statistics. 47 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1992). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow : Az Ltd. 928 p. (In Russ.)

***Утечка умов из России в 1990-х годах
и ее особенности: социолого-статистический анализ***

Recommendation on the status of research workers [Electronic resource]. United Nations Organization. November 20, 1974. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33160.html (date of access: 11/24/2015) (In Russ.)

Reproduction of the scientific elite in Russia : the role of foreign scientific foundations (on the example of the A. Humboldt Foundation) (2005). Ed. Chepurenko A.Yu., Gokhberga L.M. Moscow : Frantera. 232 p. (In Russ.)

Wembers R. (1996). The world community will benefit if it supports Russian science. *Finansovye Izvestiya*. No. 113, p. 8. (In Russ.)

Yurevich A.V., Tsapenko I.P. (2000). Does Russia need scientists? Moscow : Editorial URSS. 200 p. (In Russ.)